

Райнгольд ШУЛЬЦ

г. Гиссен, Германия

Райнгольд Шульц (Роман) Асафович – русско-немецкий писатель, публицист, общественный деятель, представитель этнических немцев стран бывшего СССР. Литературный псевдоним – Папа Шульц. Родился 1 ноября 1949 года на севере европейской части СССР, в посёлке Краснозатонском (пригород Сыктывкара – столицы Коми АССР), в лютеранской семье высланных из Карелии житомирских немцев-колонистов. Окончил Сыктывкарский государственный университет, экономист. В 1990 г. с семьёй реэмигрировал в ФРГ. Член литературного общества писателей «Немцы из России». Пишет стихи, историческую прозу, юмористические рассказы, анекдоты, христианские и житейские истории, репортажи, сказки. Автор свыше 20 книг и 1400 публикаций в СМИ. Лауреат ряда литературных конкурсов, в том числе десятикратный лауреат международного литературного конкурса «Золотое перо Руси».

Находка

Рассказ

Охота пуще неволи. Который день в осеннем лесу блудили охотники. Затея в голове ногам покоя не даёт. В такую глушь забрели, что самим страшно стало. Спустившись вдоль реки, они неожиданно набрали на заброшенную запретную зону – сталинский концлагерь в лесу.

Огромное огороженное пространство проросло молодым лесом. В некоторых местах стояли ещё уцелевшие кривые, трухлявые бараки без окон и дверей. «Железной рукой загоним человечество к счастью!» – висели на них покосившиеся красные плакаты из кровельной жести и мрачно напоминали о страшном «светлом» прошлом. Упавшие вверх ногами вышки, повалившийся забор из огромных брёвен, всюду – ржавая, колючая проволока. Трава – по грудь. Крапива и звенящая тишина.

За забором, у бескрайнего болота, кладбище советских заключённых – строителей нового, коммунистического общества – светлого будущего всего человечества. Ржавые звёзды на железных памятниках охранников, и рядом множество деревянных кривых крестов на общих братских безымянных могилах, которые исчезали вдаль, сравниваясь с болотным горизонтом. Благими намерениями устлана дорога в ад. Труд превратил человека в труп.

Сняв шапки, склонили заблудившиеся охотники головы. В ушах стоял лай собак, стоны живых скелетов, крики часовых, удары прикладов. Мольбы и проклятия, выстрелы и предсмертный хрип. Слезы вдов и сирот в далёких деревенских избах. Ночные детские молитвы...

Как же надо не любить свой народ, чтобы так над ним издеваться! Атеизм, мёртвые идеи, красные лозунги, громкие призывы «Всё для всех!» закончилось общим кладбищем в болоте.

Очнувшись от шока, оба охотника поспешили прочь от жуткого могильника. Направление взяли по покосившимся телеграфным столбам, которые упёрлись в молодые таёжные джунгли. Зёковская, каторжная дорога, политая кровью и слезами, заросла мхом, травой, кустами, зелёным лесом. Продираясь сквозь заросли, мужики наткнулись на современный автомобиль «Ниву». Вездеход стоял в низинке. Он со всех сторон вплотную зарос деревьями и кустами. Охотники встали как вкопанные. Глаза от удивления выкатились и округлились. Они затрясли головами. Не сон ли это? Что за дела? Мираж?

Подошли поближе. Автомобиль выглядел хорошо, но заброшено. Жутко. На багажнике, на крыше – большое старое птичье гнездо. Всё остальное завалено многолетней листвой, хвоей, ветками, паутиной, временем. Подталкивая друг друга, держа ружья наизготовку, охотники подошли к машине вплотную. Стёкла, затянутые изнутри каким-то налётом, тайной, дымкой, туманом, грязью, чем-то ещё, были не прозрачными, а матовыми. Охотник открыл дверь. Ужасный смрад ударил по ноздрям сквозь чистый лесной воздух. Оба человека отскочили от машины. В кабине сидели два скелета в трухлявой, истлевшей, пепельной одежде. Рядом лежали ружья. На приборной доске, на жёлтой выцветшей газете, стояли стаканы – признаки бывшего лесного пиршества. Видно, желая остыть от шока, остановились на минутку эти люди прямо посреди дороги и помянули рабов Божьих, бывших красных рабов, роботов труда из трудовых армий – простых советских заключённых. Горько стало. Выпили. Вспомнили своих пропавших родных и угорели, задохнулись в машине с работающим мотором. Застыли в минуту молчания навсегда.

Охотники вспомнили, что ещё в детстве в школе слышали, что в лесу пропали без вести два охотника с новой машиной. Солдаты прочёсывали лес, рабочие завода ездили на поиски, самолёт искал. Безрезультатно. Тайга умеет хранить тайну, особенно в запретной зоне. Выбравшись из лесу и добравшись до дома, охотники сообщили обо всём участковому милиционеру. Вскоре следственная группа закончила свою работу. Косточки через много лет наконец-то предали земле, похоронили на кладбище, а «Ниву» передали хозяйке, теперь уже старой обнищавшей вдове.

Повторно выплакав глаза, нужда подтолкнула её продать машину, избавиться от страшной памяти. Люди помогли привести машину в приличный вид и исправное состояние. Цена притягивала. «Нива» привлекала к себе блеском и товарным видом, но отшибала покупателей страшным едким запахом, который вывести было невозможно. Как ни старались всем миром, чем только не мыли, не духарили, не проветривали, ничего не помогало. Сколько средств вложили! Переделали обшивку, поменяли сиденья, заменили все коврики. Не помогло! Кажется, смертельным духом пропиталось само железо.

Скрыть прошлое нельзя. Любая тайна всегда становится явью. Покупатели потихоньку рассекречивали причину смрада, страшную историю страны и рокового автомобиля. Охотники исчезали. В машине мертвецов ездить не хотели. Не судьба, видно, было этому вездеходу колесить по

свету, как не судьба процветать жестокой, бесчеловечной, безбожной власти. Так и стоял автомобиль в тупике, за сараем, пока вдова была жива.

Время шло – всё прошло, быльём поросло, больная вдова подолгу не выходила из дома. Вездеход затянуло кустами, рядом выросли деревья, и каждую весну всё скрывалось из глаз. Власть перевернулась, а память осталась. Новое поколение, как новый лес с зелёной, слепой наивностью опять ищет под солнцем счастливую дорогу в голубое небо. Каждому охота познать радость счастья вечной любви. Жизнь продолжается.

Сергей КРОТКОВ

г. Ярославль

Кротков Сергей Валентинович. Родился 20 августа 1963 года. В 1986 году окончил Ярославский государственный медицинский институт. С 1991 г. – практикующий врач-психотерапевт. Сертифицированный Мастер нейролингвистического программирования. Создал собственную оригинальную технику «Трансформирующая диссоциация», которая с успехом применяется для психотерапии зависимостей, созависимостей, посттравматических стрессовых расстройств, навязчивых состояний, фобий. Автор ряда статей по медицине, а также художественных рассказов, стихов, песен.

Белый груздь

Рыболовы Саня и Серёга были заядлыми грибниками. Грибы они любили собирать, жарить, сушить, солить, мариновать и, разумеется, есть.

Согласитесь, лучше нет закуски зимним пятничным вечером, когда темнеет рано, дорогу в деревню к дядьке Михею занесло толстым слоем снега, когда кусочек сливочного масла тает на дымящейся в тарелке картошке, а в вазочке на столе ждут своего звёздного часа белые грузди. Солёные, с укропом и чесночком, сдобренные постным маслом и присыпанные полукочечками репчатого лука. И вот из морозилки извлекается на кануне початая бутылка водки, стыдливо покрывающаяся инеем только представ на всеобщее обозрение. Водка, загустевшая от мороза, мягко, как глицерин, маслянисто стекает в рюмки и под традиционное «Ну, за здоровье!» проливается внутрь, обжигая холодом пищевод. Вилки впиваются в студенистые шляпки груздей и отправляются следом. Согласитесь, прекрасное логическое завершение их земной эпопеи.

Дядька Михей также был одержим этой страстью – собирать грибы. От его грибного азарта спасались только весенние сморчки и строчки, да и то только по тому, что когда-то он прочитал в энциклопедии, что они условно-ядовитые, и перестал охотиться за ними. А раньше, по его рассказам, «лучше гриба и не было». Эта же формулировка относилась и к множеству других грибов сомнительного вида и съедобности.

Саня и Серёга переглядывались и потихоньку выбрасывали из своих корзин эти «лучшие грибы», по дружбе подкинутые щедрой рукой дядьки Михея, приговаривая, что «грибы можно есть все, только некоторые один раз...».

Количества, в которых Михей собирал грибы, было потрясающим. Даже в самый неурожайный год в сенок его дома в вёдрах, баках, кастрюлях и бидонах мокли, дожидаясь своей очереди на переработку, разнообразнейшие грибы. Он не утруждал себя их сортировкой, и подосиновики томилась с волнушками, сыроежками и белыми, пропитываясь ароматом друг друга, пенясь и закисая. И в результате выходил продукт, который так и именовался – «грибы дядьки Михея». Без последствий есть их можно было только человеку с крепким желудком, ну, или с достаточным количеством водки, которая в этом случае выступала в роли антидота.

– Раньше-то грибы не варили. Вымочат недели две, посолят – и под гнет. И ели, ничего... – шокировал дед Михей своими воспоминаниями Саню и Серёгу, придерживавшихся принципов термической обработки грибов.

– А сыроежки прямо так можно, – протягивал он им по грибу, тыкая пластинчатыми шляпками им под нос, будто бы надеялся, что ну хоть один-то из них да вопьётся зубами в белую мякоть гриба.

Михей был первым, кто узнавал о наличии грибов. Какие, в каком месте и в каком количестве он сообщал «по секрету» всем, кто встречался ему в эту пору. Саня и Серёга доверяли другу всецело. Поэтому с грибами были все и всегда.

– Скоро белый груздь пойдёт, – рассуждал вслух Михей. – Чёрных-то набрались? – спрашивал он у Сани и Серёги.

– Мокнут.

– Ну-ну. А белые всё равно лучше, – говорил он о груздях. – Царский гриб.

Саня и Серёга и сами знали о преимуществах белого груздя и с нетерпением ждали, когда «прошибёт плот» – как говаривал дядька Михей о появлявшихся местами грибах. По всему, «прошибить плот» должно было со дня на день.

В этот день Саня и Серёга уговорились приехать спозаранку, чтобы сразу рвануть по грибы.

Оперативно выгрузив из багажника плетёные корзины, наскоро облачившись в сапоги и брезентовые рыбацкие куртки, друзья поспешили к дому дядьки Михея. Очертания его всё отчетливее выступали из утреннего тумана. Дверь была закрыта на щеколду изнутри. Саня и Серёга нетерпеливо забарабанили в окно. Через некоторое время из-за полинявшей ситцевой занавески выглянуло испуганно-удивленное, явно непроснувшееся лицо дядьки Михея.

– Вам чего?

– Ходил? Как урожай, Михей?

– Ходил.

– Ну!

– Преимущественно-о-о, – начал растягивать по обыкновению Михей. – Один белый груздь. – Закончил Михей и открыл рот для следующей реплики, но Саня и Серёга не стали дослушивать словоохотливого даже спросонья дядьку Михея и бросились к лесу.

У белого груздя есть двойник. В простонародье этот белый пластинчатый оборотень зовётся скрипуном или скрипухой, видимо, в зависимости от того, какого рода экземпляр попадаете грибнику.

На срезе белого двойника выделяется сок, похожий на молочко и горький на вкус. Толи от того, что ножка гриба настолько плотная, что даже нож грибника и тот проходит сквозь неё с характерным скрипом, то ли от того, что отличать скрипун от белого груздя принято потеряв со скрипом край шляпки по зубам до ощущения горького вкуса, зовут этот гриб скрипуном.

«Тут ходил, – рассказывает нараспев дядька Михей. – Слышу, перекрикиваются городские, мол, белого груздя поляну нашёл. Ну, пошёл я проведать, нечто на моё место нарвались, а там уже двое орудуют. Режут, аш скрип стоит!» – посмеивался над нерадивыми грибниками дядька Михей.

Туман в то утро опустился росой. Она крупными каплями вибрировала на листьях, травах и ёлочных иголках. И даже паутина, натянутая между ветками как волейбольная сетка, переливалась радужными блесками в лучах восходящего солнца.

Часа через полтора роса пропитала брезентовые куртки, штаны, и конденсированная влага начала стекать в сапоги.

– Похоже, нет груздя, – хлюпя при каждом шаге, выдавил из себя Серёга, смахивая с ушей липкую паутину.

– Так Михей же сказал – груздя тьма, – не унимался Саня,

– Надо ещё посмотреть.

– Да чего тут смотреть ещё, – нету! – доказывал Серёга.

– А Михей сказал – полно! – настаивал Саня.

Атмосфера накалялась и в прямом и в переносном смысле. Было жарко, и досада от бесцельного хождения по лесу усиливало это ощущение многократно.

Измученные, доплелись они в деревню уже к полудню. Хоть и двигались налегке, усталость давала о себе знать. Побросав пустые корзины у крыльца дядьки Михея, они без стука ввалились в избу.

– Михей, ты где груздя брал!? – заорал в сердцах прямо с порога Серёга.

– Какого груздя? – живо откликнулся дядька Михей, отрываясь от чтения журнала «Огонёк» за 1966 год.

– Белого груздя! – подключился Саня.

– Так его и не бывало, – ответил Михей.

– Ты же сам сказал – прорва!

– Когда?

– Так утром же!

– Я?

– Крем после бритья! Чего дураком-то прикидываешься, сам же утром говорил – белый груздь, белый груздь!

– Так я вчера одного и нашёл, вон в корзинке, – махнул рукой дядька Михей.

Друзья перевели взгляд от Михея на его корзинку, стоящую у печки.

Только теперь до них стал доходить смысл всего произошедшего в разрезе сказанного. Первым заржал Серега. Саня сначала нервно подхохотывал, а потом и его прорвало как чапаевский пулемёт. Михей захихикал, не совсем понимая к чему, но считавший неприличным не поддержать друзей. Хохотали до упаду. Вытирали слёзы. Валились на пол, держась за животы. Успокаивались на несколько секунд для передышки, и снова разражались раскатами дружного хохота. Потом пили чай. Потом водку. Домой отправились только на следующее утро.

А в корзинке дядьки Михея у печки одиноко томился «преимущественно» один белый груздь.